дю.— *В. Т.*) (стр. 107). Это утверждение ошибочно, потому что в жилищах типа чорама-дю жили отдельные, незначительные группы эвенков, и то имевшие, по всей видимости, эвенское (ламутское) происхождение. Такая группа существовала, в частности, в середине XIX в. в районе озера Орель, на территории нивхов. В состав этой группы входили эвенки рода Эжан (Эдян), который, по нашему мнению, является в своей основе ламутским (эвенским).

Удивляет заявление автора, что «в отличие от старых традиционных чумов палатка снабжается другой системой отопления — маленькой железной печкой» (стр. 111). Достаточно бросить взгляд на иллюстрации публикуемых этнографических статей о народах Севера, чтобы увидеть, что и современный чум снабжен той же «системой отопления».

Неисторический подход автора к явлениям этнографии находит свое выражение в таблице, иллюстрирующей орнаменты эвенов и эвенков. Автор не указывает, какие образцы следует рассматривать как самобытный орнамент эвенов и эвенков, а какие отнести к числу заимствований. Не отмечает он и того, что обогатило народное искусство за последние десятилетия (например, появление орнамента со звездами).

Впечатление неполноты оставляет раздел о семье. Здесь остались неосвещенными вопросы о левирате и воспитании неродных детей, столь характерные для обычного права эвенков и других народов Севера.

Иногда автор, желая подчеркнуть приметы нового, входящего в жизнь эвенов и эвенков, явно теряет чувство меры. Так, говоря о том, что многие колхозники имеют собственные моторные лодки и мотоциклы, он добавляет: «Велосипеды же теперь уже отнесены к разряду детских игрушек» (стр. 135). Такое заявление может вызвать, естественно, только улыбку.

В целом работа С. И. Николаева является полезным вкладом в этнографию эвенов и эвенков, населяющих юго-восточные районы Якутии. Работа дает довольно полное и правильное представление о хозяйстве, быте и культуре этих этнографических групп и отражает то новое, что характеризует их жизнь сегодня.

В. Туголуков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

L. Vanden Berghe. *La nécropole de Khurvin.* «Vitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch Institut te Istanbul», XVII, Istanbul, 1964, 70 стр., 50 таблиц.

Могильник у с. Хурвин, расположенного в 80 *км* северо-западнее Тегерана, известен с 1948 г., когда местные жители начали тут грабительские раскопки. Значительная часть добытых ими предметов была приобретена на месте профессором Малеки, но немалое количество их попало на «антикварный рынок» Ирана, а оттуда в разные собрания. В 1950 г. здесь произвели очень небольшие раскопки иранские археологи М. Рад и А. Хакими; в 1954 г. их продолжил Ванден Берге, исследовавший на трех участках 14 погребений.

Этот весьма интересный памятник уже неоднократно упоминался в специальной литературе, но без детальной характеристики; рецензируемая книга является давно ожидаемой полной публикацией, включающей в себя также издание всей обширной коллекции Малеки. При сравнительно небольшом объеме она содержит очень четкую характеристику вещевого материала, даваемую с указанием ближайших аналогий для каждого типа предметов непосредственно после его описания. Это безусловно облегчает пользование им, хотя сопряжено с неизбежным повторением ссылок на памятники и их публикации. Особо следует отметить превосходные иллюстрации, позволившие сократить описания вещей до минимума.

На этом фоне обращает на себя внимание неполнота приводимых данных относительно раскопанных погребений: они характеризуются лишь суммарно и затем дается перечень сделанных находок. К сожалению, отсутствуют чертежи и указания на положение скелета в каждой из исследованных могил. Это представляется существенным упущением.

Судя по результатам раскопок, Хурвинский могильник является грунтовым, не имеющим каких-либо наземных признаков могил. Все исследованные погребения характеризуются скорченным положением скелетов на левом или правом боку при неустойчивой ориентировке. Сопровождающий инвентарь состоит главным образом из глиняных сосудов (до 9 в одной могиле) и немногочисленных бронзовых предметов (в основном булавок). Керамика преимущественно сероглиняная с лощением, изготовленная на круге; наиболее характерными формами являются «чайникообразные» сосуды с длинным сливом на конце носика, кувшины с широким или узким горлом и миски, снабженные горизонтально расположенной ручкой. В небольшом количестве имеется также красноглиняная керамика — кувшины и миски указанных выше типов.

Все предметы, найденные в погребениях, находят наиболее близкие аналогии в инвентаре могильника Сиалка В. Автор указывает это уже во введении (стр. 4), отмечая также отсутствие материалов, специфичных для Сиалка А; однако далее, в заключении (стр. 44) говорится о гибридном характере тех же находок, о наличии почти в каждой могиле форм керамики, общих для обоих могильников Сиалка. Конкретно отмечены в качестве таковых кувшины и кубки с ручкой, имеющие округлое вытянутое тулово.

Вторая трактовка представляется недостаточно обоснованной, поскольку говорить о «гибридности» можно было бы лишь при одновременном наличии в раскопанных могилах предметов, специфичных для каждого из могильников Сиалка. Ссылка на две общие для последних формы сосудов не может считаться обоснованной без подкрепления другими решающими доводами, которые тут отсутствуют.

Коллекция Малеки, описание которой составляет основную часть книги, включает в себя несравненно большее число разнообразных предметов, из которых лишь часть повторяет найденные Ванден Берге при раскопках. Здесь тоже особенно многочисленна керамика, прежде всего сероглиняная: это сосуды со сливами, кру́жки, кубки с ручкой нескольких типов, вазы, кувшины, миски, чаши на трех ножках и др. Часть перечисленных форм представлена и красноглиняной керамикой. Особый интерес представляют сосуды сложных форм, часть которых, по-видимому, имела культовое назначение.

В большом количестве в коллекции представлены и металлические предметы (почти исключительно бронзовые): оружие, украшения, зеркала, фигурки животных и людей и т. д. Как керамика, так и металлические изделия собрания Малеки находят очень близкие аналогии опять-таки в инвентаре могильников Сиалка; при этом глиняные сосуды преимущественно в Сиалке А, а бронзовые (и железные) предметы почти исключительно в Сиалке В и отчасти также в Луристане. Основываясь на указанных параллелях, Ванден Берге датирует Хурвинский могильник в целом 1300—900 гг. до н. э., относя основной этап его существования примерно к 1100 г. до н. э. При этом, исходя из уже отмеченной выше трактовки находок в исследованных могилах, он явно склонен считать, что памятник содержит погребения с тремя вариантами инвентаря — специфическим для Сиалка А, специфическим для Сиалка В и носящим характер, переходный от первого ко второму. Данное положение составляет, по сути дела, исходный момент для атрибуции могильника. Ванден Берге считает возможным целиком относить его к иранцам, ссылаясь прежде всего на связь распространения сероглиняной керамики в сочетании с увеличением числа металлических предметов с иранским вторжением. Это заставляет его в то же время пересмотреть вопрос о соотношении Сиалка А и В.

Как известно, исследователь этих двух могильников Р. Гиршман относил их к различным этническим группам, гипотетически предполагая возможность связи с иранцами лишь второго. Такое разделение подвергается здесь критике, исходя из трех моментов: 1) наличия в Сиалке А и В некоторых общих форм керамики, 2) трудности суждения о различиях инвентаря при малочисленности исследованных погребений в первом и 3) наличия в ряде других памятников — Хасанлу, Тепе Гиян и Хурвине — материалов смешанного характера. Первые два соображения безусловно правильны в общем плане, но в данном случае не являются решающими: установленные различия между Сиалком А и В ни в какой мере не отрицают существования определенных черт общности их, так как выражены иными категориями вещей. Это, в частности, не позволяет придавать большое значение и различию числа раскопанных погребений. Что касается третьего момента, то тут заметны элементы субъективного подхода: выше сам автор дает в сущности иную характеристику материалов Тепе Гияна и Хасанлу, говоря как раз о соответствии их инвентарю лишь одного из могильников Сиалка. Здесь снова выступает, как представляется, недостаточно четкое разграничение значимости элементов общности и различий, связанное в конечном счете с неразработанностью вопроса о возможности конкретной этнической атрибуции различных археологических комплексов северного и северо-восточного Ирана эпохи бронзы.

Во всяком случае, при современном уровне наших знаний предлагаемая Ванден Берге интерпретация Сиалка А и В как принадлежащих разным волнам пришельцев одной этнической группы требует значительно более серьезного обоснования.

Следует обратить внимание на один весьма важный аспект данного вопроса, который можно условно именовать «палеоэтнографическим». Вполне очевидно, что использование могильников для установления наличия генетических связей или родства между теми группами населения, которым они принадлежат, невозможно без учета в первую очередь обряда погребения и конструкции погребальных сооружений: эти два момента в сочетании друг с другом выступают как наиболее отчетливая и притом устойчивая этнографическая характеристика. Если подойти с этой точки зрения к могильникам Сиалка, то между ними выявляется разница такого порядка, который может быть объяснен либо эволюцией, либо сменой населения. Поскольку первое не засвидетельствовано фактическими данными, наиболее вероятным следует считать второе, хотя это вовсе не исключает возможности эволюции на иной территории.

Что касается Хурвина, то могилы раскопанной части его, несомненно, сходны с могилами Сиалка А, но не Сиалка В; аналогичное положение имеет место и в отношении обряда погребения, насколько он известен. В то же время состав сопровождающего инвентаря заставляет считать их синхронными Сиалку В. Из этого можно сделать заключение, что здесь население, весьма близкое к тому, которому принадлежит Сиалк А, обитало в тот период, когда на самом Сиалке утвердились новые жители. К сожалению, мы не имеем данных о конструкции более ранних могил, наличие которых засвидетельствовано составом коллекции Малеки: поэтому вопрос о времени появления этого населения тут остается открытым.

Если исходить из точки зрения Ванден Берге, то раскопанная часть Хурвинского могильника должна была бы иметь в конструкции могил и обряде погребения «гибридные» или переходные черты. Однако в действительности этого не наблюдается.

Таким образом, в рассматриваемом аспекте предлагаемая автором трактовка соотношения Сиалка А и В не находит себе подкрепления, а сам вопрос становится более сложным. Этнографические черты, свойственные населению Сиалка периода могильника А, выступают теперь не как локальное и ограниченное по времени явление: они прослеживаются уже на ряде памятников и притом во всяком случае на одном из них также в относительно поздний период. С другой стороны, Сиалк В приобретает более обособленное положение.

Все это заставляет очень осторожно относиться к предлагаемой атрибуции Хурвинского могильника. Она во многом зависит от того, как подходить к интерпретации тех фактов, которые лежат в основе гипотезы Р. Гиршмана о принадлежности Сиалка В иранцам. Мнение о прямой связи сероглиняной керамики с индоевропейцами и конкретно иранцами — крайняя точка зрения, сторонником которой, безусловно, является и Ванден Берге: в заключительном разделе книги он прямо говорит, что наличие в Гиссаре III В—С (и даже II А—В) сероглиняной керамики указывает на появление индоевропейских элементов. Близкие суждения существуют и применительно к материалам Средней Азии, составляя основу гипотезы об очень раннем появлении здесь индоевропейской и даже иранской речи. Однако вопрос о реальности такой прямой связи не может считаться решенным: фактически он до сих пор еще не был подвергнут специальному и всестороннему анализу. Правильное понимание его возможно только с учетом всего хода развития культуры эпохи бронзы на обширном пространстве Передней Азии, Кавказа, Ирана и Средней Азии.

А. Мандельштам

Hermann Niggemeyer, *Kuttia kond. Dschungel-Bauern in Orissa.* Klaus Renner Verlag, München, 1964, 257 стр.

Монография западногерманского этнографа Г. Ниггемейера «Кутиа кхонды» (крестьяне джунглей в Ориссе)», изданная в Мюнхене в 1964 г., посвящена описанию социальной организации, материальной и духовной культуры одного из подразделений кхондов.

Кхонды (куи, кандхи), которых в 1964 г. насчитывалось около 620 тыс., проживают главным образом в юго-западных районах штата Ориссы. Кхонды дравидоязычны; их язык «куи» по своему грамматическому строю и структуре ближе к телугу, чем к ория.

Кутиа кхонды составляют менее 1% всех кхондов: их численность равна примерно 5000 человек. Живут они компактно в 115—120 деревнях округа Пхулбани (стр. 11—12).

Деревни кутиа кхондов расположены в труднодоступных горных районах среди джунглей, вдали от крупных административных центров. От прибрежной равнинной территории Ориссы область расселения кутиа кхондов с востока отделена отрогами гор Гхатов. Само название «кутиа» производят от слова «куто» (гора). Есть, правда, и другое мнение: кутиа происходит от слова «кути» (хижина).

Вплоть до последнего времени кутиа кхонды мало были связаны с окружающим миром и поэтому мало подвергались влиянию извне[1].

[1] Конечно, речь идет об относительной изоляции кутиа кхондов. Г. Ниггемейер отмечает, что кутиа кхонды нуждались в таких продуктах и товарах, как соль, глиняная и бронзовая посуда, ткань, украшения и т. п., которые они сами не изготовляли. Посредниками-торговцами выступали некоторые ориязычные касты, которые и вели эту торговлю. Эти торговцы поставляли также буйволов, которые требовались для религиозных праздников. В свою очередь, кутиа кхонды поставляли продукты своего труда. Таким образом, торговля носила меновой характер. Иногда кутиа кхонды являются должниками торговцев.

Некоторые торговцы жили в деревнях кутиа кхондов. До настоящего времени эти посредники, чтобы успешно вести торговлю, вынуждены знать язык куи. Торговцы не играли роли в общинной жизни деревни. Это был своеобразный симбиоз.